

811.161.1'367.32:008

Романова Т.В.

Лингвокультурологический аспект категории модальности.

В данной статье мы исходим из широкого понимания категории модальности как к а т е г о р и и о т н о ш е н и я. Модальная семантика, несомненно, имеет культурологическую основу. Не случайно среди «культурных тем в русской культуре и языке» названы эмоциональность (в целом «эмоциональная температура русского текста весьма высокая – она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках» [3]), иррациональность, неагентивность (отсутствие деятельного подхода), любовь к морали, категоричность моральных суждений, негативные оценки, позитивные суждения [3], а среди языковых средств, формулирующих семантические универсалии и эмоциональные концепты («семантические примитивы»), - «активные», эмоциональные глаголы, уменьшительные формы, абстрактные существительные, прилагательные, имеющие широкий диапазон экспрессивных значений; безличные дативные предложения (*тебе нужно; можно ли мне?*), выражающие долженствование и невозможность, класс предикатов, требующих дательного падежа со значением субъекта (*надо, нужно, необходимо, нельзя, невозможно, не полагается, следует, должно*): инфинитивные конструкции, значение которых связано с модальными категориями необходимости и невозможности, в составе которых - модальные слова, такие как «*не могу, обязан, следует, должен*» (*Не бывать...; вместе нам не жить!*), так называемые «рефлексивные синтаксические конструкции» (семантика (не) желания, (не) возможности, опасения, необходимости, (не) способности); частицы, передающие оценки и чувства говорящего; обязательность предикатов интеллектуальной деятельности (*знать и*

думать), обозначающих различную степень уверенности, ментальные предикаты чувства (*чувствовать, хотеть*), оценки (*хороший, плохой*) [3]

Культурологическую природу категории модальности подтверждает и то обстоятельство, что, к примеру, модальность нормы и модальность оценки в русском языковом сознании сформированы, прежде всего, под влиянием религиозного мировоззрения, а модальность бытия определяется христианским сознанием, нравственностью*.

О культурологической природе модальности свидетельствует историческая изменчивость этой категории, актуализация на разных временных отрезках различных модально-оценочных стратегий и средств их достижения.

Интересно выяснить, какие модально-оценочные стратегии показательны для нашего времени. Как известно, объективнее всего отражает языковые тенденции словарь. Словарную картину нового времени, новые виды оценок, изменение оценок представляет «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998). Подтверждается ли тезис А. Вежбицкой об избыточности категоричных моральных суждений и негативных оценок в русской речи?

Аспектный анализ нового словаря позволяет сделать следующие выводы:

1. Язык накапливает оценочную агрессивность: словарь фиксирует множественность употребления прямых оценок в публицистической, политической речи.

2. Современный человек в речи использует много оценок. Речь не может быть столь экспрессивно-оценочной. Оценка – это отношение.

* Примеров тому в русской литературе множество. Но есть книги, в которых данное концептуальное содержание наиболее обнажено: «Удивительно, что три крупнейших русских романа XX века (четыре с Гроссманом), написанные советскими писателями (или, во всяком случае, на материале советской действительности) – я говорю о «Мастере и Маргарите», о «Докторе Живаго» и «Круге первом», все привели героев, как и авторов, к несомненной, очищенной от сомнения (к истинной – выделено авт.) вере в Бога. «Социализм есть смена религии», – писал Бердяев. Так вот, эти романы доказали нам, что смены не произошло» [8, С.33].

Прежде всего важна фактографическая информация, информация о сути вещи, и только потом оценочная информация.

3. В категории субъективной модальности находят свое отражение все более усложняющиеся психологические, социальные и другие стороны межличностных отношений. Такие качества, как категоричность, неуважение к чужому мнению, непризнание принципа плюрализма в оценках и мнениях, в большей мере характерны для речевого поведения современного носителя русского языка, несмотря на широкую палитру употребляемых модальных средств и большую «плотность» их употребления. Одна из причин этого кроется, на наш взгляд, в долголетнем идеологическом запрете на выражение собственного мнения, что породило особый, обезличенный тип дискурса. Вспомним в этой связи замечание М.М. Бахтина, что «'стиль' - это не только человек, но и режим».

Итак, связь категории модальности с категорией культуры подтверждается исторической изменчивостью средств и способов выражения модальных значений, особенностей их употребления, а также зависимостью основных модальностей от мировоззрения субъекта речи, субъекта сознания. Но главное, что подтверждает культурологический характер модальности – это ее концептуальное содержание. Концептосфера национального языка эксплицирована в отдельных концептах. Практически все они имеют модальный характер (выражают отношение, оценку)*.

Концептуальный характер имеют не только лексико-морфологические, но и собственно грамматические формы выражения модальных значений. Грамматические элементы, встречающиеся в языках мира, в совокупности характеризуют наиболее ключевые для человеческой

* Так, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев в монографии «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (1997) описывают концепт долга в поле долженствования, семантику оценки, способы выражения побуждения, возрождения, согласия; универсальные философские концепты с лексическим наполнением «правда – истина», «долг – обязанность», «свобода – воля», «добро – благо»; уникальные русские концепты: «тоска», «удаль», «авось», «небось», «плевки», «наплевательство».

психики концепты; именно грамматически выражаемые концепты составляют основополагающую структурирующую систему языка, его схематическую основу для распределения всего концептуального содержания, передаваемого лексически. Как пишет Б.М. Гаспаров, «язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности. Вот эта наша постоянная, никогда не прекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке <...>» [4, С.5]. При этом «всякий акт употребления – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре – представляет собой частицу непрерывно движущегося человеческого опыта» [4, С. 10].

К примеру, та «реальность», которая объективируется языковыми формами сослагательного наклонения, формирует в сознании человека «иные» (или «возможные») миры [1, С.21]. По мнению А.П. Бабушкина, «речь идет о картинах, полученных в результате мыслительных проекций действий как речевых актов в иную ипостась относительно позиции «здесь и сейчас» [1, С.18].

Формы повелительного наклонения также ориентированы на реальность в перспективе, но в этом мире. Как отмечает А.В. Бондарко, «в императивной ситуации заключается не только отражение определенного отношения к действительности, но и деятельность говорящего, направленная на изменение действительности, на появление «новой действительности». Такова цель заключенного в императивном акте управляющего воздействия говорящего лица на адресата речи» [9, С. 80-81]). Осуществляется появление «Новой действительности» за счет

«каузативно-направленного» волеизъявления, исходящего от субъекта волеизъявления и обращенного к субъекту-исполнителю.

Категоризация опыта отражается и во временных формах, тесно связанных с модальностью. В основе временных форм – опыт взаимоотношений субъекта и событий. К примеру, «прошедшее время», пишет А.Л. Шарандин, – отражает ситуацию, законченную в своем развитии. В силу того, что субъект оказывается вне непосредственной связи с действием, эта ситуация запечатлевается в его памяти как некое событие, участником которого был или не был субъект. Другими словами, прошедшее время событийно. Настоящее же время обнаруживает непосредственную связь субъекта с действием, и оценить событийность происходящего ему затруднительно, поскольку ситуация продолжает развиваться во времени. И только способность субъекта осознать, что настоящее может стать прошлым (представлено в разрыве с ним), преходящим, позволяет ему воспринимать данную ситуацию как проявление настоящего времени [10, С.83]*.

Модальность очень чутко отзывается на все перемены, происходящие в обществе и его культуре, и, относясь к универсальной категории человеческого языка, связана, во-первых, с культурно-социальными концептами того или иного этноса, во-вторых, как и все в языке, является связующим звеном между прошлым и настоящим.

* В. В. Колесов подчеркивает, что сложная система глагольных времен помогала русскому человеку постичь диалектику «времен». Для этих целей существовала специальная форма перфекта, обозначающая настоящее в прошлом. Чтобы ещё точнее показать важность настоящего времени, степени длительности действия, в системе языка развивались своеобразные формы глагольного вида, оригинальные формы воплощения настоящего и преходящего действия, а формы будущего времени уже производны от вида (ср. «сработаю», но «буду работать») [6, С. 135]. Общее представление о времени, как показал Н. Бердяев, накладывается сознанием на конкретную причинно-следственную цепь восприятия фактов. Будущее слишком модально, чтобы признать его за реальное время, а «прошлого нет – это часть настоящего» (Н. Бердяев). Векторное восприятие времени довольно долго будет чуждо русскому сознанию: может быть, оно и присутствует в нем, но отличается от западноевропейского (из прошлого в будущее через точку настоящего, т.е. горизонтально), хотя бы тем, что вектор в нем направлен снизу вверх (таковы различные модальности «будущего» в некоторых эсхатологических представлениях). Важна не последовательность формально равноценного, а иерархия равнозначного [6, С. 132-133].

Язык как часть культуры хранит в своей памяти обычаи, провозглашая отношение *добро, сострадание, любовь* и т.д., как общечеловеческие универсалии и национальную ментальность.

В модальности реализуется индивидуальное видение мира (его интерпретация), то есть индивидуальная ментальность. Альтернативные интерпретации в речи возникают за счет неодинакового воспроизведения объекта, различного его членения и монтажа вычлененных элементов, множественной акцептуации, проецирования, символизации реальности.

В качестве субъективных факторов интерпретации выступают встроенные в речь параметры внутреннего мира субъекта (норматив – представления, эмоциональное состояние, цели, тезаурус, точка зрения = модальность), стиль речевого поведения.

Модальность представляет собой аспект изучения антропоцентричности текста. Напомним, что в перечень речевых навыков и готовностей, дающих представление об операционном наполнении понятия **языковая личность**, Ю.Н. Караулов включает готовность придавать высказыванию модальную окрашенность; готовность учитывать в общении «фактор адресата» [5]. Эти готовности связаны с категорией субъективной модальности. Можно предположить, что репертуар модальных значений, превалирующие модальные реакции позволят составить портрет языковой личности.

«Модальное» видение оказывает влияние на формирование образа мира. Поэтому «модальное» видение правомерно рассматривать как ментальное видение, с оговоркой, что это не видение вообще, а **часть** видения мира в целом, ибо последнее включает в себя предметно-фактическое видение, невербальную интерпретацию и т.д. Категория модальности выступает как носитель определенных аспектов мировоззрения, мировосприятия, посредством выбора модальной интерпретации формируется определенный образ мира.

Мы далеки от мысли трактовать теорию модальности гипертрофированно, но считаем, что для речевой деятельности гораздо важнее поиск способов модальных и аффективных значений, чем способов представления диктума.

Необходимо выявить модальные реакции, прецедентные для русского сознания, предположив, что тексты, в которых доминирует эти модальные значения, являются прецедентными текстами. Понятие прецедентных модальных реакций и концептов можно вывести по аналогии с понятием прецедентного текста. По терминологии Ю.Н. Караулова, прецедентными называются тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной языковой личности. Из свойств прецедентности для модальных реакций актуальны следующие: предельная степень обобщенности, предельная контекстная зависимость и прагматическая обусловленность модальной семантики в дискурсе автора, ценностная маркированность. Модальная семантика почти всегда характеризуется мировоззренческой, идеологической окрашенностью. Это вытекает из таких особенностей её употребления, как направленность не на номинацию явления, а на выражение отношения к нему (оценочная функция). Коннотативный оценочный компонент содержания практически полностью вытесняет денотативную семантику: в круг оцениваемых явлений и понятий могут войти практически любые предметно-логически не коррелирующие между собой референты, если они объединены полем общей оценочной реакции. Зачастую вообще знак модальной оценки денотативно «пуст», являя собой в чистом виде характеризующую, оценочную функцию.

Модальность можно отнести к числу прецедентных феноменов. «Прецедентные феномены, будучи элементами когнитивной базы, также

формируются когнитивными структурами и в форме последних хранятся в когнитивной базе <...>» [7, С. 99].

«Русское культурное пространство – это совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку «ядром» всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который «скрепляет» все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, когнитивная база является «ядром» и культурного пространства. На наш взгляд, русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе / дальше; больше / меньше), поскольку русское культурное пространство – это все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвистического комплекса, в то время как русская когнитивная база – это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объёма», но через «качественное редуцирование», через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом мы видим одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными» [7, С. 100 - 101].

Необходимо выявить модальные реакции и концепты, прецедентные для русского сознания, и объяснить, с чем это связано.

Как уже было сказано, модальность нормы и модальность оценки в русском языковом сознании сформированы, прежде всего, под влиянием религиозного мировоззрения. В христианскую картину мира входит в концепт *истины*, связанный с концептами *вера* (модусы *знать/ верить*),

правда (модусы *считать* / *думать*), *добро* / *благо*, *любовь* и др. Модальный характер имеют концепты, выражающие отношение к миру или определяющие это отношение. В книге «Язык, культура и познание» А. Вежбицкая показала, что в русской культуре особенно важную роль играют русские слова *судьба*, *душа*, *тоска*, *пошлость* и др. и что «представление, которое они дают об этой культуре, поистине неоценимо» [3]. «Некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры <...>. Такие ключевые слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д. Например, слово *судьба* приводит нас к другим словам, «связанным с судьбою», таким как *суждено*, *смирение*, *участь*, *жребий* и *рок*, к таким сочетаниям, как *удары судьбы*, и к таким устойчивым выражениям, как *ничего не поделаешь*, к грамматическим конструкциям, таким как все изобилие безличных дативно-инфинитивных конструкций, весьма характерным для русского синтаксиса, к многочисленным пословицам и так далее» [2, С. 282].

В целом ряде русских слов и выражений «отражается тенденция осуждать других людей в своей речи, высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями, так же как и акцент на «абсолютных» и «высших ценностях» в культуре в целом.

Но, хотя обобщения, касающиеся «абсолютного», «страсти к моральным суждениям», «категорических оценочных суждений» и тому подобного, часто справедливы, они оказываются в тоже время расплывчатыми и ненадежными» [2, С. 267].

Таким образом, модальность можно трактовать не только как языковую, речевую, текстовую, но и как логическую, культурологическую, философскую категорию – как категорию отношения. И в этом смысле модальность связывает мир внешних явлений и внутренний мир человека: человек определяет отношение высказывания к действительности (*реальность* / *ирреальность*), человек оценивает действительность, выражает своё отношение к тому, о чем сообщает.

Библиографический список

1. Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение как «окно» в иные миры // Вестник Воронежского университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2001. Вып. 1. С. 15-22.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999.
7. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность: (Человек. сознание. Коммуникация). М.: Диалог МГУ, 1998.
8. Роцин М. Блок 1993 – 1994 // Октябрь, 1995. №6. С. 28-43.

9. Теория функциональной грамматики.: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука, 1990.

10. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола: Учебн. пос. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001.